

С. Нагорский

От Бобруйска до Западного Буга

Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается!

В основе рассказа - реальные события. Это – художественное произведение, оно не претендует на историческую достоверность. Как было всё на самом деле, как общались герои – неизвестно. Но это и не так важно. Важно то, что это наши ветераны. Это они отстояли нашу землю, и благодаря им мы живём на этом свете, в том числе и автор этих строк.

Вам дорогие ветераны – низкий поклон.

Вечная память героям! Вечная память тем, кто ковал и добывал Великую Победу и не дожил до наших дней!

С. Нагорский

От Бобруйска до Западного Буга

*Земля моя! Изрезана, Изрыта.
И грудь твоя истерзана бронёй...
Но ты стояла насмерть, как солдаты.
Которых укрывала с головой
Н. Соловьев*

Шёл четвёртый год войны... Сражения кипели от Баренцева до Черного морей. В начале 1944 года в результате победоносных операций, проведенных Красной Армией, резко изменилась стратегическая обстановка. Гитлеровцы отступали, уничтожая всё, что ещё можно было уничтожить, сжигая всё, что ещё можно сжечь. Советские войска, нанеся оккупантам тяжелые поражения, вышли в западные области Украины, в северо-восточную часть Румынии, в восточные районы Прибалтики и Белоруссии. На фронте наступила короткая передышка. Но тишина обманчива - затишье перед бурей. Именно в это время шла подготовка советских войск к летнему наступлению. Главные события последнего лета войны должны были развернуться в Белоруссии, среди её болот и лесов.

Там, южнее Бобруйска наши войска вот уже четыре месяца находились в обороне, скрывая подготовку к наступлению в густых лесах. От немецких позиций линию оборону войск 1-го Белорусского фронта, как правило, отделяли большие и малые болота, которые на больших площадях покрывали низменности. Полесье, так назывался этот край и административная единица Белоруссии – Полесская область. Много, много здесь болотистых и влажных мест. Среди них достаточное количество труднопроходимых мелких болот. Правда, в сухое лето можно спокойно идти по ним, не боясь увязнуть или утонуть. Но даже среди самых труднопроходимых болот всегда найдется лазейка - редкая тропа, которая известна только местным жителям. А вот озёра в этой местности редки и то заболочены, а их дно уж очень илистое.

В Полесье, как и по всей Белоруссии, местность очень закрытая. Леса и отдельные его участки, в которых зеленые кроны стройных сосен высоко взлетают вверх к небу, тщательно скрывают местный ландшафт. И среди всего этого природного великолепия затаились перед решающей схваткой два непримиримых противника. Один - коварный хищник с уже слегка перебитыми лапами и сломанными кровавыми от миллионов человеческих жертв зубами – фашистская Германия. Другой – смельчак, не склонивший голову перед зловещим рыком хищника, а перебившим ему лапы в оборонительных боях и обломавший ему зубы в ходе наступательных боёв в прошлом году. Да так, что этот хищник попятился в своё логово, упорно цепляясь за чужую, захваченную им землю. И этот смельчак – советский народ, его доблестная армия – готовился к очередному удару, чтобы вышвырнуть захватчика со своей земли туда, откуда он пришёл.

Вот на этой земле, на её заметных высотах и отдельных крутых склонах советские и немецкие войска и проложили траншеи, стенки которых заботливо обшили досками, жердями или плетнем. А между склонами и холмами - болота, топи, кустарники, камыши.

В треугольнике населённых пунктов Притыка – Величь - Дуброва занимал оборону 237-й стрелковый полк, сменив в ночь на двадцать второе апреля 1944 года 128-й гвардейский полк 44-й дивизии. Где-то на опушке сосновой рощи «Северная» разместился его командный пункт. Позиции ротных районов обороны проходили по окраине леса, что возвышался над болотистой низменностью. А, казалось бы, открытая местность между двумя рощами, простирающаяся вдоль просёлочной дороги между деревнями Радин, занятой немцами, и Притыка, была оборудована под противотанковый опорный пункт полка. Здесь была и полковая артиллерия, и истребительные подразделения с противотанковыми ружьями, и миномётные подразделения полка. Весь пункт был изрыт траншеями и окопами, ходами сообщений. Имелись блиндажи для размещения личного состава и укрытия для орудий. Позиции были оборудованы так, что личный состав мог продолжать борьбу с танками противника даже в том случае, если те ворвутся непосредственно на позицию. Для этого были открыты противотанковые щели - узкие открытые окопы на четыре человека глубиной около двух метров без бруствера или с бруствером высотой до тридцати сантиметров. Помимо противотанковых щелей были подготовлены колодцы на два-три человека в виде круглого окопа глубиной до двух метров. В щелях и колодцы разместили противотанковые гранаты и связки ручных гранат.

В ночь с 23 на 24 июня полк не спал – готовился к наступлению. Шло пополнение боеприпасами, проверялась исправность личного и коллективного оружия. Во всех подразделениях проходили митинги, комсомольские и партийные собрания, призванные нацеливать бойцов на успех в предстоящем наступлении. Призывы были горячие, красноармейцы были возбуждены и пребывали в приподнятом настроении. Ещё бы, ведь им предстояло освободить родную землю от фашистской нечисти. Им предстоял бой, но не просто бой, а бросок через болота на занятую вражескими войсками белорусскую землю, которая была обильно полита кровью советского народа. Это была кровь бойцов и командиров Красной армии, героически защищавших свою землю в огненном 1941 году. Это была кровь партизан и подпольщиков, боровшихся за освобождение своей земли от ненавистных захватчиков. Это были женщины, старики и дети, расстрелянные или заживо сожженные карателями. У каждого воина были своя судьба, своё горе, но все они были переплетены в общее горе, общую беду, общую судьбу. И была только одна цель – выстоять и победить в этой беспощадной войне.

Но не только пылким речам было место, а шутки и смех то и дело раздавались в солдатской массе. А без юмора бойцу нельзя – сердце окаменеет, очерствеет на войне. Вот и сейчас, когда всё уже подготовлено к предстоящему бою, когда отшумели митинги и собрания, группа бойцов противотанковой батареи разместились прямо у своего блиндажа. Красноармейцы переговаривались, обсуждая предстоящий бой, потягивали самокрутки с махрой.

Неожиданно кто-то предложил спеть песню и под общее одобрение нашёлся и гармонист.

- Ну что, споём?
- Что петь-то будем?
- Давай, «Тёмную ночь»!
- Нет, «Землянку»!
- Андрей, чего молчишь, предлагай!

Коренастый ниже среднего роста младший сержант с большими карими глазами, которого бойцы называли Андреем, немного помолчав, как бы задумавшись, вымолвил, пританцовывая сбитыми сапогами и держа руки в карманах выцветших солдатских галифе:

- Ну «Тёмную ночь», так «Тёмную ночь». Эх, была балалайка, сыграл бы я на ней!

- Балалайки нет, сыграем на гармони! – был ответ улыбающегося во весь рот гармониста, который нашёлся среди бойцов. Все дружно рассмеялись, а гармонист растянул меха гармони-трехрядки и музыка тихо пролилась над собравшимися у блиндажа, а в такт ей затянулся голос сержанта:

*Тёмная ночь,
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звёзды мерцают...*

И вот уже к одному голосу присоединился сначала один, потом два, три, четыре и к концу четвёртого куплета пели все бойцы своими голосами – кто басом, а кто и слегка хриловато, порой фальшиво, но от души:

*Смерть не страшна,
С ней не раз мы встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждёшь
И у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю – со мной
Ничего не случится.*

Как только прозвучал последний куплет «Тёмной ночи», воцарилась тишина. Кто-то из собравшихся задумался, кто-то закурил, но все вспомнили своих родных и близких, свой дом. Как он далёк сейчас! Как долго до него идти, а дойдут ли все до него, до своих любимых?

- Что-то грустно, славяне! – нарушил тишину голос гармониста.
- А ну его в то болото, что перед нами! – откликнулся красноармеец с погонами сержанта.
- Согласны, Мухин, давайте, что повеселее! - откликнулся на возглас сержанта воин в старом потертом, кое-где рваном ватнике.
- Братцы, давайте лучше про Смыка!

- Давай!
- Точно!
- Лучше её!

Гармонист вновь растянул меха гармони и выдал музыку, всё тот же Андрей Фёдоров затянул слегка блатные куплеты:

*Жил-был на Украине парнишка,
Обожал он темные дела (да-да),
По карманам часто смыкал
В драке всех ножом он тыкал,
И за это звали его Смыком.*

*А в Берлине жил барон фон Гоп,
Он противный был, к тому же жлоб,
И фон Гоп, чтоб вы все знали
Был мошенник и каналья,
И за то имел он три медали.*

*Вот пошли фашисты на войну
Прямо на советскую страну,
На Украине фашисты
Власть организуют быстро,
Стал фон Гоп полтавским бургомистром.*

Уже кое-кто из слушавших подхватил запевалу, нестройно вытягивая за ним:

*Но помощник нужен был ему,
И фон Гоп направился в тюрьму:
"Эй, блатные, арестанты,
Вы на этот счет таланты,
Кто ко мне желает в адъютанты?"*

*И тогда вперед выходит Смык:
"Я работать с немцем не привык,
Но вы фашисты, мы бандиты,
Мы одною ниткой шиты,
Будем мы работать знаменито".*

*Гоп со Смыком спаяны на век,
Но вдруг приходит к ним наш человек,
А в руке его граната.
Гоп спросил: "А что вам надо?",-
А тот сказал: " Я смерть принес вам , гады"*

*Вот теперь и кончилась баллада,
На осине два повисших гада,
Гоп налево, смык направо,
Вот такая им расправа
Кто послушал, скажет: "Так и надо!"*

Раздался одобрителный хохот:

- Вот и завтра мы Гопам и Смыкам покажем!
- Да, только в первых рядах будет царица полей - пехота.
- Неважно, мы ведь с ними вместе.
- Куда пехота – туда и мы.
- Слушай, Андрей, ты откуда такие песни знаешь, что с блатными встречался или как? – задал неожиданно сержант Мухин.
- Встречался, но её пел ещё до войны Утёсов, только слова были другие.
- Надо же Утёсов...
- Слушай Дима, что ты спрашиваешь его всё об этом не в первый раз, - обратился к Мухину старшина батареи.
- Да так, человек он у нас новый.
- Новый!? Полгода уже с нами воюет, а у тебя - новый. Ты лучше вспомни, как в феврале у того хутора в окружении дрались, как он там назывался...
- Кажется, Залесье, - вспомнил Мухин.
- Вот-вот Залесье. А кто тогда снаряды под огнём фрицев к пушкам доставлял и неотступно следовал за орудием? Как там, командир сказал – действовал храбро и бесстрашно. А ведь Андрей ещё и член партии и, насколько я знаю, в партию он вступил на фронте.
- Да! – подтвердил Андрей, слегка качнув головой.
- Мы все тогда действовали храбро и бесстрашно... Ладно, Андрюха, не бери в голову, - вымолвил Дмитрий Мухин, - Это я так, по своей въедливости.
- Да ничего страшного, ребята! – успокоил его Фёдоров, а сам про себя подумал: «Может быть и знаком с блатными. Как-то пришлось их поддерживать огнём пушек, а потом в атаку и разведку с ними ходил. Хотя угодить в шрафбат мог, когда припомнили, как в окружении орудие утопил. Свидетелей не было – весь расчёт погиб! Да ну их, им вопросы, а мне неприятно всё это вспоминать? До сих пор от той встречи с особистом трясёт, как будто я последняя сволочь какая-то. Никогда не был ею и не буду! Ведь даже штрафников видел один раз, когда прикрывать их пришлось в разведке боем. Среди них разные люди бывают. Потом - ранение. Хорошо, что не списали и есть возможность врага бить, да за погибших товарищей отомстить. Ладно, всё расскажу, как-нибудь потом». С такими мыслями Андрей вошёл в блиндаж и стал устраиваться на свой лежак.

Тем временем ночь брала своё, а перед боем надо было и хоть немного отдохнуть. Повинуясь команде командиров и здравому смыслу, бойцы батареи улеглись на отдых.

Ночь приглушила вой одиночных мин, редкие разрывы снарядов и периодический пронзительный свист пуль. Непроглядную тьму разрывал только яркий свет взлетающих с определенной частотой сигнальных ракет, да иногда

кто-то нервно нажимал гашетку пулемёта и запускал строчку трассирующих пуль. Под такую «тишину» можно было крепко спать, и сон обволакивал уставших от дневного ратного труда бойцов. Они спали в блиндажах и прямо в траншеях, устроившись на самое их дно. Только каски дежурных наблюдателей были в один уровень бруствера.

На позиции противотанковой батареи отдыхали все кроме часовых, да и командиры не могли сомкнуть глаз. Командир одного из противотанковых расчётов, пристроившись на левой станине орудия, задумчиво вглядывался в мрак ночного лета. Вдруг над его ухом раздался чуть приглушённый голос командира батареи или коротко - комбата:

- Ты чего не спишь, сержант?

- Да так, думаю, - произнёс сержант, вытягиваясь в рост, - что завтра будет.

- А что будет? Война, пойдем в атаку и будем бить фрицев. А сейчас отдохни.

- Так...

- Не возражать, товарищ сержант, выполнять приказ! Поставьте задачу часовому разбудить вас в 4.00 и спать! Всё понятно!

- Так точно!

Возражать не имело смысла, день предстоял тяжёлый, а командир должен быть готов ко всему, да и голова должна быть у него свежая, отдохнувшая.

- Боец, слышал! Разбудишь меня в 4.00, вот тебе мои часы, - обратился командир расчёта к часовому, протягивая трофейные наручные часы.

Боец, облачённый в ватник, поежившись, взял часы и тихо ответил.

- Будет сделано, товарищ сержант!

- Будет сделано... Не знаете, как отвечать по уставу? - пробурчал сержант и лёг прямо у той же станины, где и сидел на плащ-палатку, подложив под голову вещмешок со скудным солдатским скарбом. С минуту он полежал, поднял короткий воротник ватника и, надвинув поглубже пилотку на глаза, цепко обхватил тело личного карабина и тихо заснул.

А в это время в темном блиндаже, младшему сержанту Фёдорову снился далёкий сибирский, таёжный край, свой родной рабочий посёлок, в котором до призыва работал кочегаром на стекольном заводе. Тяжёлое было детство, голодное. Бывало и так, что мальцами таскали куриные яйца у соседей и тут же их съедали сырыми. А потом от отца хорошо влетало по мягкому месту. Правильно – воровать грех!

Сначала родители жили в глухой сибирской деревушке Успенка, окруженной буреломом тайги и сокрытой от зверей высоким деревянным частоколом. Семья большая была, так что приходилось работать с малолетства. Потом, из глухой деревни, к которой вела одна лишь разбитая лесная дорога, семья переехала в рабочий посёлок, на его окраину. Отец завел большое хозяйство, стало легче жить. Да и детки подросли, старшие стали работать.

По осени 1940 призвали Андрея в армию, попал он служить в Уссурийский край, а потом началась война. На фронт направили только вначале 1942, но и этого хватило. Как то в ходе степных боев на подступах к Сталинграду вышли, а точнее выползли двое. Старший лейтенант на себе тянул раненого бойца и пулемёт «максим». Очень поразила всех сила и воля командира пулемётчиков.

Именно он отчаянно прикрывал отступающие подразделения до последнего патрона. Когда в пулемётной роте никого не осталось кроме раненного друга-земляка и одного исправного пулемёта без боеприпасов к нему, то старший лейтенант не бросил их и на себе вынес к своим. Как оказалось впоследствии это были воины-сибиряки из соседнего края, почти земляки. Где они сейчас? А впереди у Андрея были бои в окружении, был Сталинград, была Курская дуга, много чего было...

Сколько отдыхали бойцы - неизвестно, но рассвет ещё не занялся, как их подняли. Казалось, их сон был глубокий и безмятежный, но только дотронься до плеча спящего или тихо дай команду на подъем, как те незамедлительно открывали глаза и приводили себя в порядок. Вместе со всеми проснулся и Фёдоров. Быстро приведя себя в порядок, они поспешили осуществить последние приготовления перед боем.

Спящего у своего орудия сержанта разбудил часовой и доложив об обстановке занял прежнее место чуть позади станин, у зарядных ящиков. Сержант, поднялся, молча взяв протянутые ему наручные часы, одобрительно кивнул часовому и отряхнул рукой обмундирование. Протёр глаза, отхлебнул немного воды из фляжки, быстро свернул развёрнутую на земле плащ-палатку и осмотрел позицию своего орудия. Орудие было укрыто хорошо, в окопе, его скрывала местность и кустарник. Обзор был отличный. А где-то там впереди на высотах за болотом разместились немцы, которые то и дело периодически беспокоили наши позиции ружейно-пулемётным огнём.

В это время тихо стали подходить разбуженные бойцы и перебросив винтовки за спину, они принялись готовить орудия к повседневной боевой работе. Полоска света забрезжила на востоке, но обзор был затруднён густым стелющимся по низине и поднимающимся по склонам холмов туманом.

Восход только занимался, а батарея была уже на изготовке. Расчёты орудий замерли в ожидании. У бойцов даже засосало под ложечкой в предвкушении боя. Впереди была советская земля, которую надо очистить от фашистских полчищ.

Чу! Раздался гром орудийных выстрелов и через секунды пронзительный свист летящих снарядов разорвал тишину. И тут же по общей команде открыли огонь орудия батареи. Началась более чем двухчасовая артиллерийская подготовка, которая велась из всех калибров орудий и миномётов. Разрывы снарядов и мин покрыли линию обороны противника. Уже через пять минут все зримое пространство заволкло дымом. Казалось, что ничего не существовало кроме сплошного гула и разрывов тысяч снарядов и мин. К ствольной артиллерии присоединились реактивные миномёты. Летящие огни знаменитой «катюши» с характерным воем уходили в сторону немецких позиций, что бы там смешать землю с человеческой плотью. В первые минуты артобстрела немецкие солдаты пытались бежать в глубь своей обороны, но большинство их, будучи настигнуты снарядами и минами, падали замертво в траншеях и в ходах сообщений.

Стрелки советских батальонов, занимавших позиции, вылезли из траншей и с восхищением смотрели на работу сурового «бога войны». Ничто не могло их загнать обратно в окопы – ни окрики командиров, ни отдельные и робкие

выстрелы со стороны немцев. То и дело слышались одобрительные восторженные голоса:

- Так им!
- Молодцы, артиллерия!
- Всыпьте гадам!
- Молотите, нам легче будет!
- Ещё добавьте паразитам!
- Получайте фашистские курвы!

А батарея продолжала вести шквальный не прекращающийся огонь по позициям немцев. Только и были видны отмашки рук командиров для выстрелов орудий, только и слышны были команды:

- Орудие!
- Им вторили наводчики орудий:
- Выстрел!

Отстрелянные, горячие гильзы вылетали из затворов «сорокопяток», освобождая жерла стволов под новую партию «гостинцев» для непрошенных гостей.

Пехота уже рвалась в бой. Соседний 303-й полк под прикрытием огня артиллерии начал преодолевать два километра болот - естественной разделительной черты между советскими и немецкими позициями. Бойцы двигались в болотной чавкающей жиже в мокроступах, изготовленные из тальника, лозы и бересты специальные приспособления на ноги, чтобы не увязнуть и не утонуть. Солдатская молва гласила о том, что сам Георгий Константинович Жуков одобрил мокроступы. А ведь все знали на фронте, где Жуков – там наступление.

Танки и самоходки тоже готовились к выдвигению следом за стрелковыми подразделениями. Сапёры уже подтягивали заготовленные брёвна для гатей, чтобы техника прошла по болотам.

Через два часа артиллерийской подготовки всякий огонь с переднего края обороны противника полностью прекратился и передовые батальоны 237-го полка одним стремительным броском овладели первой траншеей противника у Радина и Петровичей. Первым ворвался в траншею немцев, увлекая за собой бойцов, комсорг второй стрелковой роты первого батальон полка сержант Белов. Успех сопутствовал и соседним полки дивизии.

Следом за пехотой двинулась и артиллерия прикрытия – противотанковая батарея «сорокопяток». Орудия тянули всем расчётом. Двое бойцов, сдвинув станины, поддерживали их и толкали полутонное орудие вперёд. Командир расчета двигался впереди орудия, ещё двое бойцов уперлись руками в щиток и колёса слева и справа от орудия, таким образом, всей имеющейся у них силой двигали орудие вперёд. Кое-где номера расчётов использовали лямки, тяня орудия за собой. Сзади следовали подносчики с тяжелыми восьмикилограммовыми снарядами ящиками. Ездовые в конной тяге перемещали передок с зарядными ящиками на удалении от расчётов батареи.

Тяжело катить орудие по ровной местности, хотя и оно оборудовано отличными рессорами, да и колёса не деревянные, а автомобильные. А тут

болотистая местность – кочки и лужи, в которых колеса уходили на четверть в воду. Тянули долго с усердием, упираясь, что есть сил. Солёный пот застилал глаза, пропитывал гимнастерки насквозь. Казалось, вот она полевая дорога, а тянем орудие через низину вне этой дороги. Но дорога заминирована, да и свёрнутая в колонну батарея – хорошая мишень для вражеской артиллерии. Хорошо, что заболоченная низменность подсохла и вода стояла отдельными неглубокими лужами. И вот, где на «и раз, и два, и три», а где и под откровенный мат орудия выкатили на занятые стрелками позиции на возвышенность. Ещё несколько минут и батарея вновь готова поддерживать огнем наступающую пехоту, которая уже преодолела три линии вражеских траншей.

Теперь 237-у полку предстояло выбить противника со вторых позиций на возвышенностях у Николаевки и Раковичах, чтобы развить наступление на Чернин. Если первая линия обороны немцев взята без какого-либо особого сопротивления, то вторая линия уже огрызнулась яростным артиллерийским и пулемётным огнём.

Но и она пала под огнём и натиском наступающих советских батальонов. И противотанковая батарея вела огонь по врагу, взрывая землю и нанося невосполнимые потери живой силе гитлеровцев. Противник был выбит из опорного пункта, оставив на поле боя много убитых солдат и офицеров. Жуткая картина – масса серо-зелёных бездыханных тел заполняли, взятые штурмом траншеи. Уничтоженный враг беспорядочно лежал и на вспаханных разрывами брустверах и на покрытом воронками поверхности земли среди искорёженной техники, пулемётов, орудий и миномётов. Отличился в этот раз второй стрелковый батальон полка, захватив богатые трофеи: 75-мм орудие, тягач, автомашину и много другого оружия и боеприпасов.

Когда гарь ещё застилала всё поле боя, а кое-где ещё бой продолжался и санитары оказывали помощь раненым, сапёры при помощи второго эшелона наступающей пехоты собирали, заранее подготовленные гати для танков и тяжёлой артиллерии.

День перевалил за полдень, а полку предстояло, используя обходные пути выйти к селу Чернин в 153 дворов и взять этот хорошо укреплённый район по линии Чернин - Забродки. Двигаться придётся по просёлочной дороге. А если она заминирована? Тогда опять один путь – через болото, покрытое кустарниками и низкорослыми деревьями... Штурмовала опорный пункт немцев вся дивизия в составе двух стрелковых полков. Стреляли по врагу из всех видов оружия.

Расчёты 45-мм орудия, двигаясь в боевых порядках стрелковых батальонов, беспрестанно вели огонь по очагам сопротивления гитлеровцев, пытаясь их подавить.

- Заткнуть эти пулемёты! – прозвучала резкая команда командира батареи.

- Слушаюсь! – ответил командир орудия и уже отдавал указания своим номерам на уничтожение вражеских огневых точек, - Андрей снаряды!

И Андрей уже подносил зарядные ящики, уже открывал их, стоя на коленках. Заряжающий уже досылал снаряд в жерло ствола, и через две-три секунды смертоносное жало вылетало из длинного ствола «сорокопятки».

А вокруг рвались снаряды, вздымая землю и густо осыпая её на красноармейцев. Не взирая на это, расчёт продолжал выполнять боевую задачу, укрываясь за щитком своего небольшого орудия, стоя на коленях, и как можно ниже сгибаясь в поясе, а то и лёжа. А над головами то и дело зловеще свистели пули и осколки.

Нешадно палило солнце, но еще жарче дышало раскаленное орудие. Давно уже пожухли гимнастерки бойцов - соль из спин красноармейцев вышла на ткань. Сколько ещё надо снарядов, чтобы эти пулемёты заткнулись? Казалось их ни чем не возможно заставить замолчать. Но спустя некоторое время умолк один пулемёт противника, а затем султан взрыва сорока пяти миллиметрового снаряда заставил навсегда замолчать и второй ненавистный пулемёт фашистов.

И тут же над цепью бойцов взметнулось знамя полка и стрелки, как вздёрнутые невидимой пружиной взметнулись от земли и рванули на позиции гитлеровцев. Оглушительное и протяжное ура растеклось по всему видимому пространству.

- Мужики, видели, как Крот, командир полка повёл в атаку наш полк! – раздался одобрительно-восторженный голос одного из артиллеристов.

- Ура-а-а-а! – одновременно с ним, вторя пехоте, закричали артиллеристы.

Какая-то неведомая сила удвоила страстный порыв атакующих, не взирая на потери, они просто ворвались на позиции немцев, круша на своём пути всё, что мешало или сопротивлялось. Этой силе, которая ковалась в боях и сражениях за Родину, не было преград, и враг побежал.

Так, командиры 120-го стрелкового полка Мольков и 237-го стрелкового полка Крот, с развернутыми боевыми знаменами лично провели атаку своих подразделений на сильно-укрепленный опорный пункт немецких войск у села Чернин, овладели им и к пяти вечера очистили село от оккупантов...

Первый день боёв за освобождение Белоруссии подходил к концу. Танковые части удалось ввести в прорыв. Участь гитлеровских войск была уже предрешена. Первый помощник начальника штаба 237-го стрелкового полка в этот день сделал запись: «... К исходу дня подразделения полка овладели населенными пунктами – Чернин, Гамза, и вышли на западную окраину Слободки. В этом бою особо отличился 2 стр. батальон – командир 2 сб – майор Коваленко и взвод пеший разведки полка ...»

Два дня полк преследовал отходившего на северо-запад противника и уже к концу второго дня наступления полк занял железнодорожную станцию Мошна. На следующий день преследование отступающих гитлеровцев продолжилось в направлении Городка, где полк перерезал шоссейную дорогу Бобруйск-Минск. А в ночь с 27-го на 28-е июня 1944 года пятая рота 237-го полка десантом на танках во взаимодействии и вместе с 120-м стрелковым полком овладела Осиповичами – крупным населённым пунктом и железнодорожной станцией.

Вот здесь севернее Осиповичей расчёт сорока пяти миллиметрового орудия получил задачу уничтожить очаг сопротивления немцев, усиленной танком Т-III. Орудие было развёрнуто скрытно, удалось использовать складки местности и её лесистый характер. «Сержант Фёдоров, танк надо уничтожить, заодно с пехотой в этом районе. Вам придаётся отделение пехоты!» - такая задача была поставлена

Андрею, тому самому запевале у блиндажа трое суток назад. Ведь сейчас он заменил временно выбывшего по ранению командира орудийного расчёта.

Танк фашистов был рыт в землю так, что траки были не видны. Огнём его короткоствольного пятидесяти миллиметрового орудия и двух пулемётов можно поражать большое пространство. Под обстрелом могли оказаться и наступающие подразделения полка.

Когда скрытно вышли, обозначенную на карте комбатом, позицию у кромки соснового леса, Фёдоров принял решение выкатить орудие на прямую наводку и поразить танк. Пехоту добивать огнём орудия и ручного пулемёта.

- Расчёт тихо выкатит орудие вон к тем кустам, Стрелки прикроют наш тыл с этого места...

- Товарищ, сержант, нам поставлена задача..., - попробовал возразить ефрейтор, командовавший отделением.

- Знаю, но не хочу рисковать вами, лучше прикроете огнём с этой позиции, - перебил его Андрей, - Расчёт после того, как выкатим орудие, вернётся назад. А я с наводчиком буду выполнять задачу. Да, ефрейтор, одолжи «дегтярь» на время.

- Не дело, - неуверенно возразил ефрейтор, протягивая ручной пулемёт Дегтярёва – Диск полный, запасной дать?

- Не надо, должно хватить. Всем выполнять приказ!

Стараясь не привлекать внимание гитлеровцев, расчёт как можно тихо выкатил орудие с ветками березы, заранее прикрепленные к щитку «сорокопятки», на отмеченный Фёдоровым рубеж, с которого уже были видны кресты на бортах танка. То ли чудо произошло, то ли помогла сноровка и опыт бойцов, но немцы не заметили опасности.

Пока расчёт по-пластунски отходил к стрелкам, командир вместе с наводчиком готовились к схватке с танком. Наводчик тщательно наводил орудие на танк, надо поразить его с первого выстрела. В бою с танком промах губителен – ответный выстрел уничтожит двух смельчаков, впрочем, будь здесь весь расчёт – неминуемо при промахе погибли бы все. Маленький орудийный щит «сорокапятки» не защитил бы от осколков разорвавшихся снарядов немецкого Т-III. Поэтому солдаты называли 45-мм орудие «Прощай, Родина» и именно поэтому Фёдоров рисковал только собой и наводчиком. И именно поэтому он сейчас «приценивался» для стрельбы из пулемёта по живой силе противника, чтобы не дать ему опомниться или постараться отвлечь его при неудачном первом выстреле.

- Дима, не спеши, главное – с первого выстрела! – прошептал наводчику Андрей, не переставая наводить пулемёт то на видневшиеся из окопов каски немецких солдат, то на люки танка.

- Постараюсь, командир! – также тихо ответил наводчик.

- Огонь по моей команде!

Спустя несколько минут, показавшиеся бойцам вечностью, Дмитрий прошептал пересохшими губами: «Командир, я готов!». И тут же получил команду – «Огонь!». Орудие немедленно изрыгнуло пламя, снаряд ушёл в направлении врага. Пушка откатилась назад и вернулась на прежнее место. Долго и томительно тянется время, кажется оно застыло. Когда же результат

выстрела будет виден? Результат был сразу – попадание с первого выстрела, танк горел, получив удар бронебойным в корпус. А Дмитрий уже посылал очередной снаряд в направлении противника.

Из горящего танка выпрыгивали горящие немецкие танкисты и замертво падали от пуль строчившего «дегтяря». Огонь пулемёта и «сорокопятки» не прекращался до тех пор, пока не стали слышны крики гитлеровцев и их беспорядочная стрельба.

- Ну как? – спросил Андрей, продолжая лежать, прижавшись щекой к прикладу ручного пулемёта.

- Вроде бы всё - нема фрицев!

- Похоже на то!

Подав сигнал стрелкам, осторожно поднялся с земли Фёдоров и пошёл в направлении только что уничтоженной позиции. Пулемёт нёс он на изготовке, в готовности немедленно открыть огонь по оставшимся в живых врагам. Но в этом не было необходимости. Танк догорал, вокруг него лежал десяток оккупантов в различных позах, как их застигла смертоносная пуля или осколок. Приказ комбата был выполнен...

В последующие дни полк занял оборону с задачей не допустить прорыва окружённых под Бобруйском немецких войск. Так, во второй половине 30-го июня группа гитлеровцев численностью в две тысячи человек наткнулась на оборону 237-го полка. Разгорелся бой, в ходе которого четвертая часть была уничтожена, а остальные отошли на юг от Осиповичей. В эти дни полк пленил около восьми сот гитлеровцев.

В эти дни, находясь на огневых позициях, бойцы часто вспоминали свои боевые истории. Вот и Андрей как-то сам собой обмолвился про сапоги немецкого офицера, что пришлись ему впору. Немецкого офицера он взял в плен, пришлось участвовать в разведке боем. В той самой, когда им со штрафниками пришлось вместе воевать. Уж очень понравились офицерские сапоги этого стервеца, да и по ноге пришлись. Вот и «обменялись» обувью пленный немец и русский солдат. Командиры не стали особо пенять «удачливому» бойцу. А сапоги всё равно Андрей потерял вскоре, когда получил ранение и попал в медсанбат.

- Ну, ты даешь, брось заливать! – раздался голос одного из бойцов.

- Правду говорю, что мне врать, - ответил Андрей.

- Сапоги-то впору пришлись или так мозоли натирали?

- Нет, там уже нечего было натирать – итак всё уже стёрто было. Уж больно хороши эти немецкие сапоги!

- А как этот гад твои сапоги напяливал?

- А куда ему было деваться, когда в морду стволом тыкают. Поджилки то трясутся, руки дрожат, а в штанах уже мокро...

Взрыв смеха раздался над группой бойцов, расположившихся на опушке леса у своих же орудий. От неожиданности даже птицы встрепенулись на ветках деревьев. Когда всё улеглось и артиллеристы ещё что-то обсуждали, а кто-то вспоминал свои истории, старшина батареи спросил Фёдорова, где он воевал до того как был направлен в их батарею.

- Да где только не воевал, на фронте с начала сорок второго. В Сталинграде был...

- Дима! – позвал старшина Мухина, - Андрей, тоже «сталинградец»!

- Неужели? Вот это да! Что ж ты раньше молчал? – обратился Мухин к Фёдорову.

- А меня никто особо и не спрашивал.

И два сержанта ещё долго расспрашивали друг друга, пытаясь найти общих знакомых, вспомнить те «жаркие» деньки. И казалось, что их опять затянуло в тот огненный ад городских боёв, что опять они стоят на смерть на огненной черте на узком волжском берегу. И ничего удивительного, что нить дружбы крепла и росла. Уже не было и тени сомнений, что фронтовое братство не уйдет в никуда – оно останется на всю их оставшуюся жизнь. А спустя два-три дня полк уже совершал марш в направлении Барановичей...

Двигаясь по опалённой войной земле, в один из дней полк вышел к деревушке, где планировали привал. Бойцы двигались, иногда перекидываясь друг с другом редкими словами, курили тоже на ходу. Противотанковая батарея в конной тяге тянулась за стрелковыми подразделениями. Впереди показались печные трубы деревни, расположившейся в низине среди густого леса. Полк замер, вот и привал. Но что это? Деревни нет, на её месте пепелище! Останки двух десятков дворов в виде кучи золы и чёрных от сажи печей, трубы которых зловеще смотрели в голубое небо, не выпуская дыма. Кое-где был не тронутый пожаром плетень или изгородь. В середине пепелище тихо поскрипывала журавль колодца, задранный под тяжестью противовеса вверх. И мёртвая тишина – никого! Полк как по команде замер, бойцы озирались по сторонам, ужасаясь увиденной картине. А где же люди?

Вдруг, будто из-под земли, откуда то из-за бугра появились две фигуры – одна высокая, а другая в половину роста первой. Фигуры приближались к бойцам. Это были старик и ребёнок семи лет. Голова старика не была покрыта, седые волосы трепались от лёгкого ветерка, белёсая борода покрывало морщинистое лицо. Рубаха с национальной белорусской вышивкой была уже не белого, а серого цвета, на ногах у старика были лапти. Мальчик держал за руку своего, по всей видимости, деда, шлепая босыми ногами по земле. Его лицо было чумазым, а волос давно не касался гребешок.

- Здравствуйте, отец! – обратился к старику командир полка.

- Добрый дзень! – ответил хриплый старческий голос - Куды ён ідзе?

- На запад, отец, фрицев гоним. А где люди и что с деревней?

Старик вдруг прослезился и, смахивая слезу с щеки своей натруженной с годами крестьянской рукой, сбивчиво дрожащим голосом поведал, что деревню ещё в мае каратели сожгли дотла. Жителей согнали в амбар на краю деревни, кто не шёл или сопротивлялся - убивали на месте. Убивали жестоко: прикладами, штыками, пулей. У соседки старика, которая истошно кричала, надрывая свой голос, когда у неё каратели отобрали двухлетнего сына и смеясь насадили маленькое, хрупкое тельце прямо на клинковый штык немецкой винтовки. Женщина без памяти рухнула на землю и была под весёлое настроение этих

душегубов заколота штыками, каждый из трёх, участвовавших в этой акции, карателей воткнул в её тело минимум два раза свой штык. Затем тела матери и сына бросили в хату и подожгли её.

Всех, кого согнали в амбар, заперли на крепкий засов. Обложили соломой вокруг стен амбара, облили керосином или бензином и подожгли. Вой, крик, стон стоял над деревней. Люди пытались выбраться наружу, кто-то умолял карателей пощадить, кто сыпал проклятья в их сторону, кто-то молился. Люди горели заживо, а каратели смеялись и фотографировали происходящее. Когда рухнули крыша и стены амбара, а несколько горящих человеческих факелов пытались бежать – они были расстреляны из автоматов.

Старик наблюдал всё это страшное действие со своим внуком Василем из леса. Они с Василем были на лесной пасеке, когда каратели нагрянули в деревню и, поэтому, им удалось выжить. С тех пор они живут здесь одни, в вырытой землянке. Останки людей, а точнее их пепел они похоронили, засыпав землей место сожжённого амбара. А печи бывших изб остались напоминанием им о тех зверствах – они были черны не от сажи, а от человеческого пепла тех, кто сгорел в домах!

Полк молчал. Даже у видавших всякое на фронте бойцов комок перехватил горло, наворачивались слезы, а в душе всё kloкотало от злости. Командир полка приказал развернуть знамя полка и когда знаменосцы сделали это он встал рядом с стариком, сжимавшим руку своего внука. Командир, сняв фуражку, поклонился старику с внуком и произнес:

- Прости отец, что опоздали, за всё прости! – и, повернувшись к строю полка, так же не надевая головного убора, во весь свой зычный голос обратился к бойцам, - Клянёмся отомстить врагу за смерть не виновных людей! Клянёмся выбить ненавистного врага из Белоруссии и придушить его там, откуда он пришёл! Клянёмся не щадить для этого своей крови и самой жизни! Клянёмся!

- Клянёмся! – хором на всю округу ответил полк, как по команде сняв пилотки, фуражки, каски.

- Полк! Направо! Знамя вперёд! На бой с фашистской нечистью, шагом – марш!

Ещё раз, повернувшись к старику, командир с болью в сердце произнёс: «Прости отец!», и уходя, поручил интендантам выдать старику из полкового запаса продуктов, что и было сделано незамедлительно.

Полк проходил мимо, опалённых войной, старика с внуком не надевая головного уборов и повернув в его сторону голову. Каждый из бойцов, что-то говорил одобрительное, кто-то извинялся, кто-то обещал отомстить или просто молчал, кто-то давал в руки или оставлял у их ног что-нибудь из скромного солдатского скарба. Вот и батарея «сорокопяток» прошла в общей полковой колонне, оставив ватник и на нём несколько банок тушёнки и буханку чёрного ржаного хлеба.

- Дзякуй! Дзякуй таварышам, што дапамагли! – всё это время вторил этот согбенный временем и горем, но не сломленный врагом человек.

По его щекам катились слёзы, которые он даже уже не пытался утирать. Мальчик махал рукой вслед проходящим солдатам, повторяя за дедом его слова.

Старик ещё долго стоял на пригорке, смотря вслед уходящему полку, и трижды перекрестив колонну негромко прошевелил своими обветренными губами, спрятанными в густой бороде:

- Бог з вами!

А полк уходил на запад и ещё бойцы оборачивались назад и видели фигуру старика, которая стала для них живым воплощением той скорби и горя, которые они сами несли в своей душе и сердце за народ, землю, Отечество. Полк уходил полный решимости громить врага и гнать так, чтобы никогда он не посмел вторгаться на нашу святую землю, и чтобы никогда не повторилось то, что происходило сейчас. А вера в победу только крепла в сердцах и душах солдат! Полк шёл на запад....

В середине июля 1944 года 69-я стрелковая дивизия вышла на государственную границу Советского Союза, но бои с отступающим противником не прекращаются. Тот цепляется за каждый населённый пункт, контратакует наши полки и подразделения. Вечером 16-го июля на подступах к Беловежу Брестской области немцы внезапно контратаковали 237-й полк. Разгорелся ожесточённый бой и снова расчёт младшего сержанта Фёдорова вступил в дело, прикрывая пехоту.

Яростно атакуя, немцы отчаянно пытались отбросить наши стрелковые цепи подальше от городка. Стрелки полка отбивались лежа за естественными укрытиями – ложбинами, кочками, ямами, кустами, деревьями или в воронках, одиночных окопах и за останками деревянных строений, разрушенных войной.

«Хорошо, что у немцев нет танков», - пронеслось в голове Андрея, когда по его команде орудие вело огонь осколочными по наступающей мышинного цвета мундиров пехоте. Ещё не много и дойдёт до рукопашной схватки. В памяти Фёдорова всплыл один рукопашный бой, когда наша необстрелянная пехота не выдержала и часть её побежала. Тогда гитлеровцы ворвались в наши передовые траншеи, добивая оставшихся на позициях красноармейцев. Оттуда слышались винтовочные, пистолетные выстрелы, короткие автоматные очереди. Противотанкистам было очень нелегко – танки шли, но следовал выстрел, и подбитый немецкий танк вспыхивал пламенем. А тут ещё и немецкая пехота и артиллеристам пришлось, где лопаткой, где прикладом карабина отбивать свои позиции. Это было в прошлом огненном году.

Следовал выстрел за выстрелом. Расчёт, укрываясь небольшим щитком орудия, привычно стоя на коленях, выполнял свою тяжёлую работу. Отстрелянные гильзы заполнили пространство между станинами «сорокопятки». В расчёте никто уже не слышал команд - каждый делал своё дело самостоятельно, но по общей давно заученной схеме. Когда жар боя спал, и атаку гитлеровцев удалось отбить, командир стрелковой роты выразил скупую благодарность артиллеристам: «Спасибо славяне! Уничтожили пулемёт и отделение фрицев, без вас туго пришлось бы нам!». И тут возглас заряжающего соседнего расчёта разрезал воздух: «Гармониста убило!». Секундное оцепенение сменилось стремительным рывком – Фёдоров бросился к расположению расчёта, в составе которого воевал гармонист. На плащ-палатке, развёрнутой на земле, ещё не

остывшей от боя, лежал тот самый гармонист. Его русые волосы слегка развивались от легкого дуновения ветерка, руки вытянулись вдоль худого тела, лицо было бледное с закрытыми веками. Грудь прикрывала недавно наложенная повязка, успевшая пропитаться красной как вино кровью. Андрей опустился на колени и склонил голову над телом своего товарища. «Как же так?» - пронеслось в голове, а с уст слетело иное.

- Леша, кто ж мне будет на гармони играть? – вымолвил Фёдоров.

- Мы вели бой, Алешка снаряды подносил, - как бы оправдываясь тихо заговорил командир расчёта гармониста, - А тут взрыв и пули засвистели... Я кричу, чтоб снаряды подавал, а их всё нет и нет. Оглянулся - он лежит, а на левом плече кровь проступает. Пока отстрелялись...

И вдруг, веки Алексея слегка приоткрылись, а слипшиеся, потрескавшиеся губы тихо прошептали:

- Я... ещё жив...

- Молчи Лёша, береги силы! - радостно воскликнул Андрей, сжимая руку Алексея – Жив, мой дорогой! Ребята, несите его в медсанбат, скорее!

Андрей встал с земли, продолжая удерживать руку гармониста. А бойцы, взяв плащ-палатку за её края, осторожно приподняли Алексея и понесли его в тыл.

- Где гармонь? – прошептал Алексей.

- Где гармонь? – сразу закричал Андрей.

Кто-то из бойцов, метнувшись к снарядным ящикам, принёс трёхрядку и положил рядом с Алексеем. Меха гармони были прошиты пулями в трех местах.

- Ничего братцы, ещё повоюем...ещё ответим фрицам... Артиллеристы точней прицел...наводчик смел... Фрицам скажем, нашей Родины не тронь... откроем сокрушительный огонь, - шевелили губы Алексея, а по щеке от боли текла скупая мужская слеза.

- Да Лёша, они за всё ответят, мы постараемся! Ты возвращайся к нам скорее, вместе будем их добивать! - отпуская руку гармониста, на прощание сказал Андрей.

- Как же он будет на ней играть? – раздался за спиной Фёдорова вопрос.

- Как? Сыграет, а нет - новую добудем! – уверенно, не оглядываясь, ответил сержант, продолжая смотреть в след бойцов, которые уносили раненного гармониста. И лишь команда командира батареи вернула артиллеристов к своим расчётам.

А наступление между тем продолжалось. Приходилось брать штурмом каждую улицу, почти каждый дом. Беловежу полк занял только к полночи и продолжал гнать фрицев дальше на запад.

Спустя полтора суток противник подтянул резервы и у деревни Гурна расчёт Фёдорова вновь отбивал контратаки немцев. Орудие не прекращало выплёвывать смертоносное пламя. Бойцы, казалось, без усталости делали свою «работу». Их лица почернели и осунулись, руки и шея покрылись чернотой от гари, пороховых дымов. Форма выцвела окончательно, прохудилась во многих местах. После двух контратак на счету расчёта было отделение уничтоженного врага. Полк продолжал наступать и рано утром под огнём противника форсировал Западный Буг, заняв плацдарм на левом берегу реки. Это уже была Польша!

Здесь в Польше противник пытался захватить командный пункт полка, бой за него длился три часа. Был отвод в новый район обороны, было отражение атаки сорока танков и батальона пехоты гитлеровцев...

Ещё идут ожесточённые бои, а командир 237-го стрелкового полка майор Крот подписывает представление к награждению своих бойцов за бои в Белоруссии. А спустя несколько дней командир 69-й стрелковой дивизии издаёт приказ о награждении бойцов и командиров орденами и медалями. Среди награждённых бойцов орденом Славы третьей степени был и Фёдоров Андрей Леонтьевич.

Когда в короткие часы передышки Фёдорову стало известно о награде, он бросил фразу, которой суждено было сбыться: «Награды наши мы получать будем после войны. Да и не до наград сейчас!». А война ещё не закончилась. Впереди была Восточная Европа, впереди был Берлин.

апрель 2017